

Цзин Юаньци нес Ши Цина на руках, стремительно, подобно росчерку молнии, миновав больничные коридоры. Его лицо было темнее грозовой тучи; высокий, подтянутый и привыкший к физическим нагрузкам, он двигался с невероятной скоростью, и даже тяжесть чужого тела не замедляла его бег.

По счастливой случайности в этот час коридоры пустовали, иначе заголовки о «восходящей звезде, несущей Киноимператора на руках» мгновенно оккупировали бы вершины поисковых запросов.

Медсестра, приводившая в порядок постель, вздрогнула, когда дверь с грохотом распахнулась. Она в оцепенении уставилась на ворвавшегося в палату юношу, чье лицо дышало яростью.

— Господин Цзин? Господин Ши? — растерянно пробормотала она.

Разве они только что не оформили выписку? И насколько она помнила, у господина Ши была ранена спина, а не ноги — зачем же нести его на руках?

Цзин Юаньци, хоть и был ослеплен гневом, сохранил остатки самообладания. Глубоко вдохнув, он ответил подчеркнуто сухим, натянутым голосом:

— Прошу прощения. Мы кое-что забыли.

— Ах, вот оно что... Тогда ищите, а как закончите — дайте знать.

Стоило медсестре выйти, как сдерживаемое пламя ярости вырвалось наружу. Молодой человек намеревался было швырнуть свою ношу на кровать, но в последний миг вспомнил о ране на спине актера. Стиснув зубы от досады, он вынужден был бережно опустить Ши Цина на матрас.

— А теперь говори: что у тебя с этим Чэнь Жуном?!

Ши Цин сел, поправив одежду, и нахмурился:

— Это я должен спросить: что связывает тебя с А Жуном? Ты теперь с ним? Он хоть знает, что ты за человек?

— Это я-то какой?! — Цзин Юаньци окончательно утратил недавнюю уверенность. — Что, решил, будто я и твой драгоценный братец — две разные крайности? Увидел мое истинное лицо и решил расстаться?

Морщинка между бровями Киноимператора стала глубже. Он поднял на собеседника строгий, пронзительный взгляд:

— Не уходи от темы. Отвечай: что между вами происходит?

— Между нами?! Нами?! Да это между вами что-то происходит!

Цзин Юаньци метался по палате, напоминая разъяренного хищника, у которого дыбом встала шерсть — если бы она у него была. Нарезав пару кругов, он замер перед Ши Цином; его рука, указывающая на актера, заметно дрожала.

— Объясни мне: что это был за взгляд? Что за слова ты ему шептал? Он твой брат! Вы вписаны в одну семейную книгу, ты это понимаешь?!

Словно уличенный в сокровенной тайне, вечно бесстрастный Киноимператор внезапно смутился. Он отвел глаза и едва слышно прошептал:

— Мы не связаны кровью. К тому же... это были лишь мысли...

— К черту мысли! Запрещаю даже думать об этом!

От переполнявших его чувств юноша тяжело дышал. Чтобы хоть немного успокоиться, он принялся мерить комнату шагами.

— Значит, вот как... Тебе нравятся не брови Цуй Юньцина, а брови этого Чэнь Жуна. И моя улыбка тебе приглянулась лишь потому, что я, черт бы его побрал, улыбаюсь точь-в-точь как он...

С грохотом его нога врезалась в прикроватную тумбу. Он не мог продолжать.

Какая ирония: опытный охотник сам угодил в расставленный силоч. Он-то полагал, что, разыграв сцену ревности, окончательно покорит сердце Ши Цина, а выяснилось, что мысли того заняты совсем другим человеком. Какое там уязвленное самолюбие — Ши Цин, казалось, готов был в ладоши хлопать, поздравляя его с «новой любовью».

Цзин Юаньци резко выдохнул и снова навис над актером:

— Так вот почему ты был вчера так настойчив... Ты ведь видел во мне не меня, а Чэнь Жуна, верно?

— Вовсе нет.

Ши Цин вскинул голову. На его бледном лице проступил яркий румянец, окрасивший даже кончики ушей. Он часто моргал, и в его взгляде, вопреки обыкновению, сквозило робкое замешательство.

— Я... не думал об А Жуне в тот момент.

По всем признакам — именно о нем он и думал.

Видеть, как ледяная глыба тает от смущения, было бы истинным наслаждением, не будь Цзин Юаньци на грани взрыва.

— Ты действительно представлял его, когда был со мной?! Ты ослеп? Неужели я хуже него?! Как ты можешь думать об этом ничтожестве? Об этом «белоснежном лотосе», который только и делал, что строил тебе козни!

— Цзин Юаньци!

Киноимператор резко поднялся, его лицо омрачилось гневом.

— Не смей клеветать на А Жуна. Я всё еще жду ответа: что у вас двоих за дела? Ты обманул его? А Жун слишком простодушен, он не видит твоей истинной природы. Но у него есть я, и если ты посмеешь его обидеть, я тебе этого не прощу.

Молодой человек захлебнулся от возмущения:

— Он — простодушен?! Он?! Простодушен?!

Цзин Юаньци едва сдерживал крик.

— Ты хоть понимаешь, зачем он пришел со мной? Единственной его целью было досадить тебе, заставить тебя страдать! И ты называешь это простодушием? Куда делся твой хваленый ум? Почему рядом с ним ты становишься слепым и глухим?!

Ши Цин замер.

— А Жун... он не с тобой?

Увидев, что в глазах актера еще теплится надежда на спасение, юноша сквозь зубы бросил:

— Нет. Он просто подыгрывал мне, чтобы побольнее тебя задеть. Намеренно. Теперь ты понимаешь?

— Намеренно...

В глубине глаз Ши Цина загорелся странный огонек. Глядя на него, Цзин Юаньци ощутил недоброе предчувствие. И не ошибся: в следующий миг Киноимператор с надеждой посмотрел на него, и в его холодном голосе зазвучали ликующие нотки:

— Зачем ему понадобилось меня задевать? Неужели он тоже чувствует ко мне...

Цзин Юаньци: «???»

— Нет! — выкрикнул он, окончательно теряя рассудок от ярости. — Ты что, совсем ничего не видишь? Он же типичная интриганка! Ты любишь его, а он тебя ненавидит!

Юноша отбросил всякую осторожность и перестал скрывать, что навел о партнере справки. Гневно и последовательно он принялся перечислять грехи Чэнь Жуна:

— В детстве он притворился больным на твоём награждении, чтобы отец остался с ним, а не шел к тебе. В пятнадцать — запер тебя в туалете. В восемнадцать — угнал машину, подаренную тебе отцом, сбил человека и свалил вину на тебя. А когда ты только поступил в университет...

— Всё это были лишь досадные недоразумения, — перебил его Ши Цин с явным неодобрением. — В тот вечер он простудился, потому что спешил закончить уроки и прийти ко мне. В туалете он запер меня, потому что я сам его перед этим разыграл — его обида была оправданна. А история с машиной... он сел за руль только для того, чтобы поехать и купить мне подарок.

В сознании возник вопрос Системы.

[Носитель, это правда?]

«Конечно нет. На награждении Чэнь Жун симулировал специально. В туалете запер, потому что оригинал перед этим нанял людей, чтобы его побили. А с машиной — оригинал знал, что Чэнь Жун мечтает на ней прокатиться, и специально испортил тормоза, надеясь на его смерть. Но Чэнь Жун оказался хитрее и просто подставил его»

Система: «...»

Цзин Юаньци тоже молчал. Спустя долгую паузу он выдал лишь одно:

— Ты безнадежен.

Никогда прежде он не чувствовал себя столь беспомощным. Он полагал, что ведет в этой игре,

а оказалось, что он — всего лишь бледная тень Чэнь Жуна. Было от чего прийти в отчаяние.

Он, Цзин Юаньци, мастер интриг и сильный игрок, потерпел крах, столкнувшись с фальшивым «лотосом». А Ши Цин, ослепленный своей верой, даже не заметил его боли. Вместо этого актер с сияющими глазами осторожно, почти невесомо, коснулся рукава молодого человека.

— Значит... вы с А Жуном не пара?

— А если я скажу «да»? Ты бросишься его завоевывать?

Уши Киноимператора стали пунцовыми. Он запнулся, что было для него крайне необычно:

— Вовсе... вовсе не обязательно.

— Что?! Ты действительно собрался за ним бегать?!

Цзин Юаньци снова был на грани взрыва. Но к своему ужасу он осознал, что Ши Цин совершенно не реагирует на его гнев. Впрочем, так было всегда. Сколько бы он ни искушал актера, на том лице не отражалось ни тени лишней эмоции. Раньше юноша принимал это за холодность натуры. Теперь же стало ясно: Ши Цину просто наплевать на его чувства. А раз наплевать — то и эмоции его не имеют значения.

Молодой человек сделал над собой колоссальное усилие, пытаясь вернуть привычное самообладание. В его голове билась лишь одна мысль: любой ценой перетянуть на свою сторону этого ослепленного любовью глупца.

Глубоко, очень глубоко выдохнув, он присел рядом с Киноимператором и медленно заключил его в объятия. Понизив голос до бархатистого, вкрадчивого баритона, он зашептал:

— Учитель Ши, он твой брат. Пусть не по крови, но по закону. Даже если в твоей голове и рождаются эти...

Цзин Юаньци невольно скрипнул зубами.

— ...эти безрассудные, опрометчивые и в корне неверные мысли, ты должен понять: между вами ничего не может быть.

Ши Цин попытался отстраниться, но юноша лишь крепче прижал его к себе.

— Но со мной всё иначе. Мы созданы друг для друга. Разве я хуже этого Чэнь Жуна?

Он медленно опустился, положив голову на колени актера, и потянул его за руку, заставляя прохладные пальцы коснуться своей щеки. Его голос звучал нараспев, исполненный соблазна:

— Разве я не хорош собой? Разве я слаб? Этот твой Чэнь Жун выглядит хилым, да и здоровьем не блещет. Вчера я выдержал семь раз — разве он на такое способен? С его-то конституцией он и трех не потянет.

— И к тому же...

Молодой человек, подобно змее, скользнул выше и выдохнул прямо в ухо Ши Цину:

— Я очень люблю рисовую кашу. Особенно... ту, что готовишь ты.

Ши Цин мысленно усмехнулся.

«А он умеет торговаться. Так и хочется согласиться»

Система, которая предусмотрительно заблокировала в памяти лишние детали, снова стала воплощением невинности.

[Какая каша? Откуда здесь каша?]

Ши Цин действительно был впечатлен. Но ради долгосрочной перспективы он решительно оттолкнул прильнувшего к нему юношу и холодно произнес:

— Не смей принижать А Жуна.

Цзин Юаньци: «...»

Он чувствовал, что раздулся от злости, как рыба-фугу. Одно касание — и он лопнет.

— Ладно! Ладно!

Молодой человек резко вскочил, не в силах скрыть бушующую ярость.

— Жди! Рано или поздно я докажу тебе, какой мусор этот твой ненаглядный Чэнь Жун!

Дверь, которую он недавно с грохотом распахнул, теперь с таким же грохотом закрылась за его спиной.

Ши Цин пожал плечами и тоже поднялся.

Система осторожно поинтересовалась.

«Носитель, вы предвидели такой исход?»

«Разумеется. Всё предельно просто. Зная характер Цзин Юаньци, можно было не сомневаться: получив отказ, он попытается вызвать мою ревность. А на роль того, кто заденет меня сильнее всего, идеально подходил Чэнь Жун — стоит лишь заглянуть в досье»

«Чэнь Жун тоже парень не промах, любит мутить воду. Мне даже руки марать не пришлось. Цзин Юаньци крайне ревнив; столкнувшись с таким конкурентом, он вцепится в него мертвой хваткой. Заодно и мозги проветрит от своих деструктивных наклонностей. Обычная комбинация»

Система поспешно внесла запись: «Обычная... Обычная комбинация».

В последующие дни Цзин Юаньци и Чэнь Жун стали неразлучны. Юноша, не считая денег, водил спутника по элитным заведениям и осыпал дорогими подарками.

Хоть Чэнь Жун и жил безбедно благодаря милости отчима, его образ «послушного сына» не позволял ему сорить деньгами в открытую, отчего он вечно чувствовал себя обделенным. И тут появился Цзин Юаньци.

Молодой человек не скрывал от него своего истинного положения. Титул «старшего молодого господина семьи Цзин» звучал солидно, но личные достижения юноши — гения коммерции — были куда внушительнее. Основатель корпорации «Си», председатель правления группы «Эн»... Любая из этих должностей заставляла померкнуть всё состояние семьи Цзин.

Если не считать той необъяснимой вспышки гнева в первый день, Чэнь Жун был в полном восторге. Тем более что Цзин Юаньци позже нашел способ извиниться.

Теперь все помыслы Чэнь Жуна были сосредоточены на новом покровителе. С таким состоянием! Даже Ши Цин был всего лишь актером в корпорации «Си», принадлежащей Цзин Юаньци. Если он завоюет этого человека, ему больше не придется лебезить перед отчимом или интриговать против брата — он сразу окажется на вершине.

Чэнь Жун предавался сладким грезам и всё больше верил, что юноша действительно в него влюблен. Большую часть времени они проводили, слушая бесконечные жалобы на скверный нрав Ши Цина. В такие моменты сводный брат с готовностью поддакивал, поливая Киноимператора грязью.

Спустя неделю Цзин Юаньци объявил, что рана Ши Цина окончательно зажила и съемочная группа требует их возвращения. С глубоким вздохом он признался, что больше не хочет работать с ним. Вот если бы тот вляпался в какой-нибудь грязный скандал... Например, если бы его уличили в избиении собственного брата...

Для Чэнь Жун это было привычное дело! Он тут же с готовностью заверил покровителя, что всё устроит: завтра же он придет на съемочную площадку и раз и навсегда уничтожит репутацию Ши Цина.

Тем же вечером Цзин Юаньци отправился на площадку. Он тщательно осмотрел территорию и нашел идеальное место — укромный уголок, где не было ни камер, ни лишних свидетелей. Он хотел, чтобы Ши Цин увидел истинное лицо брата, но вовсе не желал ему реальных проблем.

На следующий день

Попытка Цзин Юаньци выманить Ши Цина на разговор потерпела крах. Едва сдерживая раздражение, он позвонил Чэнь Жуну и велел ему самому назначить встречу.

Чэнь Жун не особо верил в успех, но решил попытать счастья и отправил сообщение. К его удивлению, ответ пришел мгновенно: Ши Цин обещал быть.

Сводный брат окончательно убедился, что Киноимператор лишился рассудка. Но это было ему только на руку. С этого дня Ши Цин станет лишь ступенькой на его пути к триумфу.

Цзин Юаньци прибыл заранее. Еще раз убедившись, что свидетелей нет, он велел Чэнь Жуну звать актера, заверив:

— Не бойся, я подготовил скрытую камеру. Как только подставишь его — остальное за мной.

Удостоверившись, что план в действии, он вооружился биноклем и затаился в засаде, готовый к просмотру спектакля. Он легко мог предугадать тактику «белоснежного лотоса»: пара нужных ракурсов, имитация удара, заранее нанесенный грим — и дело в шляпе.

Чэнь Жун уверенно вышел на сцену. Они встретились в том самом безлюдном углу. Он прекрасно знал, как вывести брата из себя:

— Брат, открою тебе секрет: отец признался, что я в сотни раз лучше тебя, своего родного сына.

Он собирался добавить еще пару ядовитых фраз, но не успел. Киноимператор внезапно шагнул

вперед и с чудовищной силой нанес удар прямо ему в лицо.

Удар был такой мощи, что у Чэнь Жуна искры посыпались из глаз, а из носа брызнула кровь. Он рухнул на землю, оглушенный. Кое-как поднявшись, он вытер лицо и увидел на руке густую алую кровь.

«Мы так долго не виделись... Неужели Ши Цина стало так легко спровоцировать?»

Чэнь Жун, преодолевая боль, не смог сдержать торжествующей усмешки. Он поднял голову на брата, которого всегда считал недостижимым соперником:

— Ты всё такой же глупец.

До этого момента хранивший молчание Киноимператор внезапно изобразил на лице крайний испуг. Он бросился к брату, пытаясь помочь ему подняться:

— А Жун, ты в порядке? Что с тобой?!

Чэнь Жун: «???»

Он грубо оттолкнул руку брата и попытался встать самостоятельно, не забывая язвить:

— Поздно каяться. Твоя выходка уже снята. Готовься к позору!

Увидев, что всё кончено, Цзин Юаньци с видом победителя вышел из укрытия.

— Брат Цзин! — вскричал Чэнь Жун, увидев его. — Посмотрите, во что он меня превратил!

Юноша мельком взглянул на растерянного актера, а затем придирчиво осмотрел разбитый нос и наливающиеся синевой синяки на лице Чэнь Жуна. Он одобрительно похлопал в ладоши:

— Bravo. Ты настоящий профессионал. Грим выглядит совсем как настоящий.

Чэнь Жун опешил:

— Какой грим, брат Цзин?! Это по-настоящему! Это Ши Цин меня ударил! Вы обязаны мне помочь!

Цзин Юаньци лишь хмыкнул. Он был уверен: Ши Цин, так «любящий» своего брата, никогда не поднял бы на него руку. Он просто обнял свою добычу со спины и раздраженно бросил Чэнь

Жуну:

— Всё, ты больше не нужен. Иди смой эту гадость с лица и проваливай.

— Да это не гадость! Брат Цзин, мне больно! Это правда Ши Цин!

Цзин Юаньци присмотрелся повнимательнее. Хм, действительно похоже на правду.

— Ну ты даешь... Специально нанять кого-то, чтобы тебя побили, лишь бы подставить учителя Ши? Ну и талант.

Чэнь Жун был близок к помешательству:

— Да это сам Ши Цин!!! Ши Цин!!! Он только что со всей дури заехал мне по лицу! Вы что, не видели?!

Ему было больно даже говорить, но он отчаянно пытался восстановить справедливость:

— Прямо здесь! Я и слова сказать не успел, как он набросился на меня! Брат Цзин, посмотрите на кровь! Посмотрите!

— Ладно-ладно, хватит нести этот бред. Спектакль окончен. Проваливай.

С этими словами Цзин Юаньци повернулся к Ши Цину. Актер стоял в его объятиях, словно окаменев; его темные глаза, полные невыразимой печали, были прикованы к беснующемуся Чэнь Жуну.

Юноша ощутил смесь торжества и нежности. Он мягко коснулся губами щеки Киноимператора.

— Видишь теперь, учитель Ши? Он до последнего пытается тебя оговорить.

— Вот его истинное лицо. Ты в нем жестоко ошибся.

Чэнь Жун, с разбитым лицом и текущей из носа кровью, в ужасе смотрел на брата. Тот, кто секунду назад хладнокровно нанес удар, теперь стоял с покрасневшими глазами и видом невинной жертвы, чье сердце разбито.

«Да кто из нас, черт возьми, «белоснежный лотос»?!»

<http://bllate.org/book/15834/1437073>